

ТАТАРСКИЙ ВѢСТНИКЪ

№ 312-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ

№ 312-й.

Телефонъ типографіи № 85

Телефонъ редакціи № 85

политическая и общественно-литературная газета.

Годъ XXIII

Воскресенье, 28 ноября 1904 года.

Годъ XXIII

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ О ЧЕХОВѢ.

На-дняхъ въ Петербургѣ въ залѣ Текишева былъ устроенъ благотворительный концертъ, на которомъ Максимъ Горькій прочиталъ свои воспоминанія о А. П. Чеховѣ.

Сотрудникъ «Руси» г. Зенгеръ приводитъ эти воспоминанія.

— Когда я былъ у Чехова въ его имѣніи,—читалъ Горькій своимъ сухимъ голосомъ, упирая на «о»,—онъ, гуляя со мной по своимъ владѣніямъ, сказалъ между прочимъ:—Если-бы я былъ очень богатъ, я-бы здѣсь многое, многое устроилъ, для русскаго народнаго учителя, чтобы онъ могъ здѣсь и пожить, и полечиться, и отдохнуть.

Главное—отдохнуть, потому что жизнь его очень тяжела.

Народный учитель долженъ быть здоровымъ, свободнымъ, сильнымъ человекомъ. а у насъ его преслѣдуютъ всѣ, кому только на то есть охота: и священникъ, и инспекторъ, и урядникъ. На него доносятъ, за нимъ слѣдятъ, а если онъ начинаетъ проявлять какое-бы то ни было противодѣйствіе, то ему угрожаютъ словомъ «неблагонадежность». Да тяжела жизнь русскаго учителя!

Много говорилъ онъ, какъ всегда глубокимъ «матовымъ» голосомъ, улыбаясь своею милою улыбкою, которая неотразимо влекла къ нему всѣхъ, кто зналъ его. Затѣмъ закончилъ:

— Какія-то дряхлыя вещи говорю я сегодня: значитъ, начинаю старѣть. Спасибо вамъ, что вы меня слушаете. Пойдемте, я вамъ дамъ за это чаю.

Судьба народныхъ учителей его занимала чрезвычайно. То и дѣло слышишь отъ него:—Горькій, такой-то учитель боленъ; сходите навѣстите его; такой-то учитель хочеть познакомиться съ вами...

И зачастую, придя къ нему, застаешь у него того же учителя, который, сидя на кончикѣ стула, краснѣя и волнуясь, старается въ разговорѣ показаться какъ можно умнѣе передъ писателемъ.

Чеховъ слушаетъ, улыбается и въ концѣ-концевъ добьется того, что съ нимъ заговорятъ просто и откровенно.

Помню, разъ засталъ я у него одного изъ учителей. Высокій, худой, горбоносый, въ витеватомъ

потокѣ ученыхъ, мало идущихъ къ дѣлу словъ старался онъ изложить передъ Антономъ Павловичемъ свои мысли. Но когда дѣло дошло до «конгломерата ощущеній», то Чеховъ остановилъ его вопросомъ:

— Все это такъ, а вотъ скажите мнѣ—кто у васъ бьетъ дѣтей?

Учитель очень взволновался и смутился.

— Не я, не я, ни въ коемъ случаѣ не я,—началъ оправдываться онъ.

Чеховъ успокаивалъ его.

— Да я не говорю, что это вы бьете дѣтей. Но я читалъ объ этомъ въ газетѣ и хорошо помню, что дѣло происходило именно въ вашемъ уѣздѣ.

— Это у Макарова... Макаровъ ударилъ ученика—вспомнилъ учитель.

Но у Макарова четверо дѣтей и жена, и онъ очень стѣсненъ. Такъ что можно предположить, что онъ сдѣлалъ это въ раздраженіи...

Затѣмъ они начали говорить обо всемъ откровенно. И только уходя, учитель снова вернулся къ мудренымъ словамъ, которыя, однако, закончилъ совершенно неожиданно:

— А вѣдь и всякій-съ подлець—несчастный человекъ.

У Чехова вообще была удивительно располагающая манера говорить. Онъ зналъ, какъ обойтись съ посѣтителемъ для того, чтобы тотъ началъ рассказывать именно то, что ему подъ силу.

Однажды явились къ нему три разодѣтыя дамы и, наполнивъ его комнату шуршаніемъ шелковыхъ юбокъ и запахомъ крѣпчайшихъ духовъ, расположились противъ него и начали говорить съ нимъ о политикѣ.

— Какъ полагаете вы, Антонъ Павловичъ,—спросила его одна изъ нихъ,—чѣмъ кончится война?

— Миромъ,—серьезно отвѣтилъ Чеховъ.

— А кто побѣдитъ—греки или турки?—спросила другая.

— Тотъ, кто сильнѣе,—не ме

нѣе серьезно продолжалъ писатель.

— А кто же сильнѣе?—вставила свое слово и третья.

— Тотъ, кто образованнѣе и здоровѣе.

— Ахъ, какъ остроумно, какъ мило!..—залепетали дамы, и снова вопросъ:

— А вы кого больше любите, Антонъ Павловичъ—грековъ, или турокъ?

— А вы любите мармеладъ?—неожиданнымъ вопросомъ отвѣтилъ Чеховъ.

— О, да!—одушевленно вскринула одна.

— Абрикосовскій,—подхватила другая.

— Онъ самый ароматный,—пояснила третья.

И онѣ дружно заговорили, выказывая въ этомъ вопросѣ необыкновенную эрудицію...

— Затѣмъ, какъ то засталъ я у Чехова молодого и элегантнаго товарища прокурора. Стоя передъ Антономъ Павловичемъ, въ гладкой и неудержимо текущей рѣчи изъяснилъ онъ ему то, что его интересовало, и его глаза такъ же самодовольно и тупо сіяли, какъ новенькія пуговицы на его вицъ-мундирѣ.

— Вы ставите передо мною, Антонъ Павловичъ,—говорилъ онъ,—неразрѣшимую дилемму въ вашемъ рассказѣ. Вѣдь я не могу, по совѣсти, обвинить вашего преступника; нѣтъ сомнѣній, что онъ развинтилъ рельсы по недомыслию, и такихъ карать не должно. Съ другой же стороны, общественная безопасность требуетъ, чтобы я его устранилъ, потому что иначе общество не будетъ гарантировано въ томъ, что онъ и во второй разъ не совершитъ такого же поступка, слѣдствіемъ коего будетъ непоправимое несчастіе. Какъ бы вы поступили на мѣстѣ суда, Антонъ Павловичъ?

— Оправдалъ бы... Оправдалъ непременно...—отвѣтилъ Чеховъ.—Отпустилъ-бы на волю... Чтобы онъ... дозрѣлъ до преступника,

А то какой же онъ преступникъ

И снова неожиданно перешелъ къ совершенно другой темѣ.

— Вы любите граммофоны?

— О, да!—оживился прокуроръ.—Эго такое гениальное созданіе техники!..—и пошелъ и пошелъ...

— А фотографіей вы занимаетесь?—продолжалъ участливо спрашивать Антонъ Павловичъ.

Оказалось, что и фотографіей онъ занимается и очень любитъ ее.

— А я вотъ не люблю граммофоновъ,—замѣтилъ Антонъ Павловичъ.—Въ нихъ нѣтъ чувства и правды.

Когда прокуроръ ушелъ, Чеховъ обратился ко мнѣ со словами:

— И такой-то вотъ прыщъ... на сидѣніи правосудія вершить судьбы человѣческія!.. И добавилъ:

— Прокуроры, навѣрно, любятъ удить рыбу.

Такимъ образомъ, каждый приходившій къ Чехову невольно стаскивалъ съ себя свой пестрый костюмъ и оставался открытымъ передъ писателемъ. И какъ въ произведеніяхъ своихъ, такъ и въ жизни, Антонъ Павловичъ, разоблачивъ человека, незлобиво подсмѣялся надъ его пошлостью. Не всегда, впрочемъ, былъ онъ незлобивъ: иногда добрые глаза его становились холодными, а мягкій голосъ звучалъ жестко и сильно.

— Русскій человекъ,—говаривалъ онъ,—совсѣмъ особенный человекъ,—точно рѣшено: насыпается, насыпается въ него жизнь всякой всячины, а онъ встряхнется и, смотришь, ничего въ немъ не осталось, кромѣ какой-то самой неопредѣленной и непонятной слякоти.

Въ юности бросается онъ жадно на жизнь, хватается, что только ни поцало подъ руку, а къ тридцати годамъ смотришь, уже застылъ. Архитекторъ построить пару недурныхъ домовъ и прочно засаживается играть въ винтъ, актеръ сыграетъ хорошо двѣ три

роли и уже возомнитъ себя гениемъ, купитъ цилиндръ, рассказываетъ и не желаетъ больше учить ролей. Издатель либеральнаго журнала дома ругаетъ жену «дурой» и не имѣетъ хорошей комнаты для прислуги; горничныя наживаютъ у него ревматизмъ и ларингитъ...

Докторъ перестаетъ читать и заниматься и интересуется только текущей терапіей... Мнѣ случилось встрѣтить одного, который въ сорокъ лѣтъ былъ увѣренъ, что всѣ болѣзни — простуднаго происхожденія...

Тяжело это...

Но такъ опредѣленно говорилъ Чеховъ рѣдко. Онъ и въ разсказахъ своихъ, неподражаемо обработанныхъ съ художественной стороны, предпочиталъ только рисовать удручающую пошлость жизни, скрашивая ее своею улыбкой, и представлялъ уже читателю дѣлать отсюда выводъ.

Не всякому, конечно, читателю удавалось это. И многие, смѣясь надъ рассказомъ «Дочь Атьбона», не умѣли возмутиться такъ, какъ это должно при видѣ безсовестнаго издѣвательства надъ человекомъ, одинокимъ, заброшеннымъ судьбою въ чуждую и враждебную среду.

Но тѣ, кто умѣлъ проникать за его улыбку, тѣ видѣли, что пошлость нашу онъ бичевалъ безпощадно.

И пошлость отомстила за себя. Его тѣло—тѣло великаго писателя—она помѣстила въ вагонъ съ надписью «Для устрицъ».

Пошлость торжествовала. Перечитывая листки уличныхъ газетъ, я чувствовалъ, что среди переполнявшихъ ихъ неискреннихъ воплей о смерти Чехова чувствовалась радость—радость, что однимъ врагомъ стало меньше.

Но повторяю, кто хочетъ видѣть, тотъ видитъ въ Чеховѣ, какъ писателя, человека, обращающагося къ намъ со словами:

— Нехорошо вы живете, господа. Стыдно вамъ!..